

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

К. В. Васильев

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Среди современных исследователей древнекитайской культуры нет еще единства взглядов по вопросу о том, в какой форме передавались первоначально древнейшие историко-повествовательные, религиозно-обрядовые, философские и другие памятники, какие источники — устные или письменные — играли решающую роль в процессе их сложения. Это в значительной мере объясняется отсутствием исследований о том, на какой ступени развития находилась в те или иные периоды истории древнекитайского общества традиция передачи информации и каковы были ее «технические возможности». Некогда О. Франке выступал с утверждениями, что в эпоху Шан и в периоды Западного и Восточного Чжоу письменность не получила сколько-нибудь широкого распространения, что в те времена единственной формой письменности были гадательные и документальные надписи на костях домашних животных, щитах черепах, на бронзовых сосудах и колоколах [23]*. По его мнению, отсутствие портативного писчего материала делало невозможным запись сколько-нибудь крупных литературных произведений, которые поэтому первоначально должны были передаваться изустно.

В востоковедной литературе уже были отмечены узость и крайняя субъективность этого взгляда, навязывающего древним современные представления о культуре письма [20]. Кроме того, подобное мнение о развитии древнекитайской письменной традиции вступает в конфликт с фактами, привлеченными в недавнее время вниманием исследователей. Нередко высказывается предположение, что наряду с дошедшими до нас древними надписями на гадательных костях и на бронзовой ритуальной утвари в эпоху Шан и в начале эпохи Чжоу были распространены тексты с иным содержанием, которые не сохранились, так как были записаны на бамбуковых и деревянных планках. В одном из очерков по ранней истории китайской книги это предположение аргументировано анализом весьма редких иньских эпиграфических памятников, явно не связанных с гадательной практикой: «Остатки длинных узких костяных пластинок, на которых сделаны исторические записи, наводят на мысль о том, что подобные же пластинки, изготовленные из бамбука или дерева, могли использоваться при династии Шан для обычных документов и книг» [29]. Как свидетельство обоснованности данно-

* Здесь и далее первая цифра в квадратных скобках означает номер по списку литературы к данной статье, вторая — номер страницы.

го предположения может быть отмечен тот факт, что в иньских гадательных надписях представлены пиктографические обозначения в виде схематических изображений связки бамбуковых или деревянных планок [4, 25]. Что касается периодов Западного и Восточного Чжоу, то свидетельства различных нарративных источников не оставляют и тени сомнения в том, что бамбук был тогда широко известен как материал для письма. В одной из песен «Ши цзина» (II, I, VIII), описывающей дальний поход, сказано: «Разве не думаем мы о возвращении домой? Но страшимся приказа на бамбуковых планках». «Янь-цзы чунью» (VII, 201) упоминает о том, что в VII в. до н. э. для составления документальных записей использовали шелк и бамбук: «[Хуаньгун] пожаловал Гуань Чжуну [местности] Ху и Гу. В них было семнадцать уездов. Описал это на шелке, изложил это на бамбуковых планках».

В рассказах «Цзо чжуаня», относящихся к середине VI в. до н. э., встречаются сведения о том, что бамбуковые планки служили писчим материалом для хронистов разных царств [1]. «[Ведающий записями] южный чиновник — ши услышал, что великий ши и его братья убиты. Он взял бамбуковые планки и отправился [во дворец циского правителя], но, узнав, что запись [об убийстве циского правителя] сделана, вернулся» [26, 511]. Или в другом месте: «Вэйский Нин Хуэй-цзы заболел. Позвав [сына] Дао-цзы, он сказал: „Я провинился перед моим государем, но раскаянием ничего не достигнешь: ведь мое имя попало в записанные на бамбуковых планках хроники правителей“» [26, 485]. Большой интерес для истории древнекитайской письменной культуры представляет находка, сделанная в 1957 г. в одной из камер царской гробницы в Синьяне (пров. Хэнань). Здесь было обнаружено несколько десятков бамбуковых планок, на одной стороне которых вертикальной строкой были написаны иероглифы. Два обстоятельства делают эту находку примечательной. Во-первых, для синьянской гробницы некоторые историки предлагают достаточно раннюю датировку: VII—V вв. до н. э. [5]. Во-вторых, согласно предварительным исследованиям, на бамбуковых планках из синьянской гробницы был записан связный этико-политический текст конфуцианского направления [7, 24]. В отличие от них все три комплекса бамбуковых планок, найденных после 1949 г. в погребениях периода Чжаньго близ г. Чанша — Улипай, Янтяньху, Янцзявань,— содержали лишь перечни погребального инвентаря. Следовательно, синьянскую находку можно считать первой подлинной бамбуковой «книгой» чжоуского времени, найденной археологами.

По синьянской находке можно судить о некоторых внешних особенностях несохранившихся чжоуских «книг». Каждая бамбуковая «страница» (а в синьянской гробнице было найдено 28 таких неповрежденных «страниц») содержала от 30 до 40 иероглифов, выведенных писчей кистью¹. Возможно, что в позднечжоуское время существовал особый тип «книжного» письма. По крайней мере современные исследователи отметили, что в начертании иероглифов на синьянских бамбуковых планках, на чжаньгоском шелковом свитке из Чанша, содержащем календарно-астрологические тексты, и на нефритовых пластинках из Хоума с текстами клятв² обнаруживаются очевидные черты сходства [18].

¹ Одна из таких кистей найдена в самой синьянской гробнице. Писчая кисть прекрасной сохранности, помещенная в бамбуковый футляр, была раскопана также в погребении периода Чжаньго близ г. Чанша [13].

² Тексты клятв, написанные киноварью на нефритовых пластинках, были найдены в конце 1965 г. при раскопках заупокойного храма одного из правителей царства Цзинь в Хоума.

Данные археологии и свидетельства древних нарративных источников указывают на то, что изготовление бамбуковых «книг», а также их распространение не требовали, как иногда утверждают [2], чрезмерных усилий и затрат. Бамбуковые «книги» с их весьма узкими и тонкими «страницами», сброшюрованными в отдельные связки — «главы», были достаточно удобны при различных обстоятельствах. В одном из текстов периода Чжаньго сказано, что Су Цинь, известный дипломат того времени, был вынужден в начале своей карьеры носить книги «на плече в коробе». Сохранилось также упоминание о том, что философ Мо-цзы (ок. 468—376 гг. до н. э.), собираясь отправиться в качестве посла в царство Вэй, «сложил в свои повозки весьма много книг» [11, гл. 12, 268]. Приведенные данные о том, что и материал и техника письма открывали достаточный простор для развития книжного дела в древнем Китае, согласуются с утверждением, Мо-цзы: «Добрых книг, имеющихся в Поднебесной, не счесть» [11, гл. 9, 165].

Из нарративных источников могут быть извлечены и факты иного рода, которые указывают на то, что уже в период Восточного Чжоу документальная запись и книга занимали выдающееся место в жизни древнекитайского общества, оттеснив на задний план устное предание. Имеются сведения, что такая важная общественная функция, как поддержание культурной традиции посредством передачи ее от одного поколения к другому, осуществлялась с помощью книжного образования. Так, в речи чуского сановника Шу-ши, входящей в состав «Го юя», среди рассуждений о том, как и чему следует учить наследника Чжуанвана (конец VII в. до н. э.), неоднократно упоминаются тексты сочинений и государственных документов: «Шу-ши сказал: „Обучая его по Чуньцю, побудишь превозносить добро и порицать зло, чтобы сделать воздержанным его сердце. Обучая его родословьям, побудишь прославлять благую силу и отвергать мрак и смуту, чтобы в его поступках радость одолела страх. Обучая его одам, побудишь обратиться к прославлению благой силы, чтобы сделать просвещенными его устремления. Обучая его обрядам и установлениям, заставишь узнать о правилах для высших и низших. Обучая его музыке, избавишь от скверны и подавишь в нем легкомыслие. Обучая указам и повелениям, заставишь разбираться в государственных делах. Обучая его речам, сделаешь ясной его благую силу и заставишь узнать, как ваны прежних дней воздействовали своей благой силой на народ. Обучая его по древним записям, заставишь узнать о тех, кто погибал и кто возвышался, и избавишь его от страха. Обучая его по кодексу наставлений, заставишь узнать, каков порядок поколений, побудишь сопоставлять то, как они исполняли свой долг“» [6, гл. 17, 191—192].

Нет сомнения в том, что под названием «Чуньцю» скрывалась либо определенная книга, либо серия книг³. Говоря об обучении по «древним записям» и по «кодексу наставлений», Шу-ши также, очевидно, имел в виду ознакомление наследника с какими-то известными текстами. Некоторые авторы полагают, что подобные известные тексты имелись в виду, когда речь шла и о других предметах преподавания: о «родословьях», об «одах», об «обрядках и установлениях», об «указах и повелениях» [16]. Как следует из другого текста «Го юя», упоминающего о том, что «[Цзиньский] Вэнь-гун⁴ учился тому, как читать книги

³ Достаточно выразительно свидетельство «Цзо чжуаня», относящееся к середине VI в. до н. э.: об одном сановнике царства Цзинь говорится, что во время визита в Лу «он увидал, осматривая библиотеку у Великого ши, изображения „[Книги] перемен” и „Чуньцю” [царства] Лу» [26, 582].

⁴ Правил в 636—627 гг. до н. э.

у Цзю-цзи» [6, гл. 10, 137], древнекитайская образованность была неразрывно связана с искусством чтения и понимания книг. Более того, понятие «начитанность» нередко выступало как синоним образованности и компетентности в тех или иных вопросах [6, гл. 13, 160]. На распространенность среди народа письменности и элементарной грамотности указывает и то обстоятельство, что, согласно «Чжоу ли», чжоуские власти находили необходимым вывешивать тексты официальных «поучений» для всеобщего обозрения [28]. Имеются также упоминания о том, что в храмах предков государственных деятелей периода Чуныцю выставлялись таблички с описанием их заслуг перед страной [26, 456]. К этому можно добавить одну характерную деталь. Достаточно трафаретная литературная характеристика государственных деятелей и ученых, встречающаяся в позднечжоуских сочинениях, обычно содержит упоминание о том, что герой усердно читал книги, пренебрегая сном [11, гл. 12, 269].

Свидетельства о распространении и развитии книжного дела в древнем Китае уже сами по себе указывают на наличие богатой литературной традиции. Более того, ссылки и цитаты, во множестве встречающиеся на страницах источников VIII—III вв. до н. э., хранят память о десятках книг, утраченных еще в древности и неизвестных составителям ханьских литературных каталогов. В ходе классификации данных об этих книгах сразу же бросается в глаза, что в общей культуре древнего Китая был весьма велик удельный вес исторического знания. Наибольшее число ссылок падает на исторические сочинения. Древние авторы чаще всего упоминают разного рода «записи» (*чжи* или *цзи*). Цитаты из этих древних источников, пересказы их содержания, а также ряд указаний общего характера дают основание считать, что имелись в виду «записи» об исторических событиях и лицах. Например, «О том есть в записях, что если в царстве строят [города] с большими стенами, то не приносит это выгоды. Некогда в [царстве] Чжэн были [города] Цзин и Ли, в [царстве] Вэй были [города] Пу и Ци, в царстве Сун был [город] Сяомэн, в [царстве] Лу был [город] Бяньфэй, в [царстве] Ци был [город] Цюцю, в [царстве] Цзинь был [город] Цюйво, в [царстве] Цинь был город Чжэнья. Шу-дуань из Цзина доставлял неприятности Чжуан-гуну, Чжэн Ци не мог [покинуть страну], люди из Ли подлинно препятствовали тому, чтобы Чжэн-цзы занял престол⁵. Вэйские Пу и Ци, по сути дела, прогнали Сянь-гуна⁶. Сунский Сяомэн стал подлинным убийцей Чжао-гуна⁷. Луский Бяньфэй фактически ослабил Сян-гуна⁸. Циский Цюцю стал подлинным убийцей У-чжи⁹. Цзиньский Цюйво фактически принял циский отряд¹⁰. Циньский Чжэнья, по сути дела, стал источником затруднений для Хуаня и Цзина¹¹. Все это есть в записях правителей» [6, гл. 17, 197—198]. Или же:

⁵ В 722 г. до н. э. чжэнский царевич Шу-дуань поднял в Цзине мятеж против правителя царства Чжэн. В 679 г. до н. э. в царстве Чжэн вновь вспыхнула междоусобица, в ходе которой Ли-гун, опиравшийся на г. Ли, убил Чжэн-цзя и захватил власть в стране.

⁶ Эти города находились во владении сановников, заставивших в 559 г. до н. э. вэйского Сянь-гуна покинуть свое царство.

⁷ В 611 г. до н. э. царевич Гунцзя Бао, управлявший Сяо-мэнном, устранил Чжао-гуна и захватил власть в царстве Сун.

⁸ Город Бяньфэй был владением аристократического рода Ци, пользовавшегося большим влиянием в царстве Лу.

⁹ Цюцю был «кормлением» циского сановника Юн Линя, который в 685 г. до н. э. убил узурпатора У-чжи.

¹⁰ В 550 г. до н. э. в царстве Цзинь, в Цюйво, был подавлен мятеж аристократического рода Луань, призванного на помощь циские войска.

¹¹ Этот город являлся «кормлением» циньского царевича Хоу-цзы, фаворита двух вышеупомянутых правителей царства Цинь.

«Почему не справиться об этом в записях о Шан и Чжоу, об Юе и Ся? Но даже если привлечь [материалы] более обширные, чем связка из десяти бамбуковых планок, нигде не найдешь [упоминаний о судьбе]» [11, гл. 9, 175].

В названиях сочинений, упоминаемых в историографических и философских памятниках, слово «записи» часто выступало в сочетании с разными определениями к нему: «Чжоуские записи» (*Чжоу чжи*) [26, 231], «Записи о минувшем» (*Цянь чжи*) [26, 243, 386], «Древние записи» (*Гу цзи*) [8, гл. 11, 106, 107], «Записи о глубокой древности» (*Шан гу цзи*) [8, гл. 13, 133], «Записи чиновников-хронистов» (*Ши цзи*) [8, гл. 22, 294]. Последняя разновидность древнекитайской исторической письменности была, очевидно, наследницей составленных хронистами разных времен и царств летописных историй. Известно, что с наступлением периода Восточного Чжоу точные и систематические записи велись не только в чжоуском домене, но и в центрах многочисленных царств, возникших на развалинах западночжоуской государственности. Так, в составленной Сыма Цянем истории Цинь отмечено, что в 753 г. до н. э. в этом царстве «впервые прибегли к услугам чиновника-хрониста, чтобы он записывал события; в народе многие изменились к лучшему» [15, гл. 5, 179]. Следовательно, циньская летопись была начата на 13-м году правления циньского Вэнь-гуна. Обычно же хронологической датой, открывавшей годовой счет событий в летописи, был год воцарения местного правителя. В Цинь, как и в других древнекитайских государствах VIII—III вв. до н. э., сумма первичных записей чиновников-хронистов составила со временем царский летописный свод, названный «Записями [царства] Цинь» (*Цинь цзи*) [1]. Это единственный из летописных сводов чжоуского времени, который полностью избежал литературной инквизиции Цинь Ши-хуана. Сыма Цянь, неоднократно его использовавший, высказывался о нем весьма скептически: в «„Записях [царства] Цинь“... не были записаны ни дни, ни месяцы, их текст был краток» [15, гл. 15, 686]. Сохранившиеся фрагменты других летописей VIII—III вв. до н. э. свидетельствуют, что точность хронологических данных достигалась в них с помощью фиксации событий по месяцам и дням, обозначавшимся циклическими знаками. Интересный опыт построения всеобщей древней истории Китая, соединенной с летописью царства Вэй [V—III вв. до н. э.], содержала книга «Погодовые записи на бамбуковых планках» (*Чжу шу цзи нянь*), найденная в III в. в вэйской гробнице в Цзи. В этом своде, известном лишь по фрагментам, пока что не удалось обнаружить признаков прагматического изложения событий. По-видимому, древние записи были соединены в нем лишь внешней связью, представлявшей собой хронологии правителей Ся, Шан, Чжоу и Вэй.

Столь же многочисленную группу составляли исторические сочинения типа *чуньцю* («весны и осени») ¹². Об этом термине следует сказать, что, судя по дошедшим до нас высказываниям, некоторые позднечжоуские авторы видели в нем только название летописи царства Лу. Так, в трактате «Мэн-цзы» говорится: «С исчезновением памяти о [совершенномудрых] ванах пресеклись оды. После пресечения од была создана *Чуньцю*. Чэн [царства] Цзинь, Тао-у [царства] Чу и Чуньцю

¹² Как свидетельствует позднейшая комментаторская традиция, происхождение наименования было связано со структурно-стилистическими особенностями этих исторических сочинений: исторические записи распределялись в них по временам года. Название «Чуньцю» должно было, по-видимому, указывать на то, что в книге представлен полный цикл сезонных записей, и, кроме того, символизировать последовательность и полноту исторического повествования.

царства Лу — единообразны. [Описанные] в них деяния — это [деяния] циского Хуаня и цзиньского Вэня, [составляющие] их тексты — это [тексты] чиновников-хронистов» [12, гл. 8, 337—338]. Однако столь же бесспорны свидетельства источников, что сочетание иероглифов *чуньцю* уже в позднечжоуское время стали употреблять в обобщенном смысле, превратив его в *terminus technicus* для многочисленных местных и других историй. Сохранилось утверждение Мо-цзы: «Я видел чуньцю, происходящие из ста царств» [14].

В одном из описаний библиотеки, обнаруженной в 280 г. в погребении III в. до н. э. близ Цзи, упоминается утраченное в период между Тан и Сун сочинение «Разные повествования» (*Со юй*). В этом сочинении, по словам списания, «имеется Чуньцю [царства] Цзинь, в которой изложены события 17-го года [правления] Сяньгуна» [10, гл. 1, 15а]. Есть указания, что данный сборник включал также *чуньцю*, рассказывавшие о событиях эпох Ся и Инь [19, 27]. Вышеприведенные материалы заставляют сделать вывод о бытовании в период Чжаньго одновременно по крайней мере двух историй царства Цзинь: официальной версии, называвшейся *Чэн* (Колесница), и какой-то цзиньской *чуньцю*. Официальный характер летописей царств Лу, Цзинь и Чу, упомянутых в трактате «Мэн-цзы», определялся тем, что они были составлены из записей, сделанных чиновниками-хронистами. Что касается исчезнувших позднечжоуских *чуньцю*, сведения о которых хранят различные источники, то они, по-видимому, были часто результатом чисто литературных склонностей древнекитайских книжников, писавших их по собственной инициативе. Обратимся к цитируемым в трактате «Мо-цзы» чжоуской, яньской, сунской и циской *чуньцю*. Составители трактата заимствовали из чжоуской *чуньцю* рассказ о том, как призрак безвинно казненного сановника покарал чжоуского Сюань-вана [11, гл. 8, 140]. Приведенные далее рассказы о смерти яньского, сунского и циского правителей примерно того же содержания. Все четыре и по общему смыслу и по деталям оскорбительны для памяти тех правителей, чей позорный конец они описывают. Это обстоятельство свидетельствует о том, что таким рассказам не было места в официальных летописях царств. В них, вероятно, следует видеть осуществленные частными лицами обработки легендарно-политических преданий.

На справедливость подобных утверждений указывает тот факт, что единственная параллель к рассказу чжоуской *чуньцю* о позорном конце Сюань-вана известна лишь по приведенному в «Го юе» пересказу текста, который заимствован из утраченного сборника таких преданий: «В древности возвысилось Ся, тогда бог огня спустился на высокую гору. Когда оно клонилось к гибели, бог огня подал весть в Циньсуге. Когда возвысилось Шан, [волшебный] зверь тао-у стал показываться в горах Пишань. Когда оно клонилось к гибели, [волшебный] зверь иян появился на [шанском] пастбище. Когда возвысилось Чжоу, феникс подал голос в горах Цишань. Когда оно пришло в упадок, Ду Бо застрелил вана в Хао. Все это есть в «Записях о духах» [6, гл. 1, 10]. *Чуньцю*, известные по другим источникам, также, по-видимому, включали разного рода исторические предания и прозаические сказания, отражавшие полуфантастические представления разных слоев древнекитайского общества о прошлом. По сведениям танского Лю Чжи-ци (661—721), в упоминавшейся уже «Чуньцю [царства] Цзинь» содержались фрагменты явно тенденциозного предания о том, как «вещий» сон правителя царства Цзинь стал причиной возрождения культа мифического родоначальника дома Ся [10, гл. 16, 4а]. Полностью это предание восстанавливается на основании двух параллельных текстов в «Цзо чжуане» и в

«Го юе» [26, 613, 6, гл. 14, 171]. Судя по цитате и по ряду замечаний Лю Чжи-цзи, то повествование, которое он читал в «Чуньцю [царства] Цзинь», содержало независимый от них вариант предания. Случай, когда содержание «Цзо чжуаня» перекликалось с содержанием тех *чуньцю*, которые были включены в сборник «Разные повествования», найденный в вэйском погребении в Цзи, встречались, по-видимому, неоднократно. Сохранилось свидетельство одного из первых читателей обнаруженной в земле библиотеки: «Среди древних книг погребения в Цзи имеются чуньцю, напоминающие Цзо чжуаня» [19, 27].

Фрагменты утраченных сочинений типа *чуньцю* встречаются еще как в форме пересказа, так и в форме дословной передачи в речах государственных деятелей V—III вв. до н. э., собранных в «Чжань го цэ» и в трактате «Хань Фэй-цзы»¹³. К сожалению, те сведения, которыми мы располагаем о восточножюуских *чуньцю*, неполны и отрывочны, поэтому судить о их внутренней структуре и других особенностях содержания приходится только по догадкам. Можно высказать предположение, что для них был характерен хронологический принцип изложения. Последний позволял составителям включать в подобные сочинения разнородные по характеру исторические рассказы. В ряде случаев в основу этих рассказов было положено историческое предание, возникшее либо одновременно с породившим его историческим фактом, либо сразу после него. Судя по данным «Цзо чжуаня» и «Го юя», вскоре после появления в свет таких преданий они должны были быть зафиксированы письменной традицией, ибо трудно себе представить, что спустя несколько десятилетий или столетий картина отраженных в преданиях событий могла сохраниться в памяти передатчиков так подробно, с такими деталями и со столь точными хронологическими указаниями. Лишь немногие небольшие тексты, дошедшие до нас в составе «Цзо чжуаня» и «Го юя», которые обладают внешними признаками коротких прозаических новелл, могли долго бытовать в устной передаче.

Что касается разных легендарно-исторических сказаний о далеком прошлом, унаследованных людьми периодов Чуньцю и Чжаньго от предшествующих поколений, то сохранились свидетельства, что ко времени составления «Го юя» и «Цзо чжуаня», т. е. к V—IV вв. до н. э., они также были собраны и записаны. Так, по «Гоюю» хорошо известен рассказ о чудесном рождении Бао Сы, жены чжоуского Ю-вана¹⁴, который начинается следующей записью: «В „Нравоучительных повествованиях“ [Сюнь-юй]¹⁵ есть такие слова: „Когда пришел в упадок [дом] Ся, духи людей из Бао, превратившись в двух драконов и очутившись в ванском дворце, стали говорить: ‘Мы — два правителя из Бао’. Государь из [дома] Ся обратился к оракулу, следует ли их убить, или прогнать, или оставить. Не получил ответа. Тогда стал гадать, спрашивая, следует ли сохранить оставленную ими слюну. Ответ был благоприят-

¹³ Цитаты из этих сочинений следуют за вводной формулой: «Чуньцю, предостерегая от этого, говорит...» или же: «Чуньцю, отмечая это [событие], говорит...». Бесспорно, что цитаты не были заимствованы из луской летописи «Чуньцю», но все они имели параллели в исторических рассказах, входящих в состав «Цзо чжуаня» [26, 135, 451, 510, 574]. Отмеченная особенность была истолкована в том смысле, что к III в. до н. э. «Цзо чжуаня» существовал уже в виде комментария к луской летописи «Чуньцю», был неразрывно с нею связан и цитировался как ее составная часть [27]. Однако давно было отмечено несходство в ряде деталей, существующее между фрагментами использованных в «Чжань го цэ» и в «Хань Фэй-цзы» сочинений и соответствующими им местами в «Цзо чжуаня» [22].

¹⁴ Правил в 781—771 гг. до н. э.

¹⁵ Комментатор Вэй Чжао отмечает, что «Нравоучительные повествования» — это «книга чжоуского времени».

ный, и тогда расстелили шелк и на бамбуковой пластинке записали молитву. Драконы улетели, а слюна осталась. Ее собрали в шкатулку и стали хранить в ней. Приносили ей жертвы» [6, гл. 16, 187]. Эта литературная цитата была введена в текст сохранившегося на страницах «Го юя» диалога между сановником Ши-бо и Хуань-гуном, основателем царства Чжэн. Диалог заполнен генеалогическими легендами чжоусцев и союзных им родов, нормативными сентенциями и рассуждениями об упадке чжоуского дома. Цитата в диалоге служит введением к истории чудесного рождения Бао Сы, которая, по словам автора, была зачата под влиянием магической силы, исходившей от содержимого древней шкатулки. По мнению проф. Эркеса, отразившийся здесь цикл сказочных легенд о рождении и детстве Бао Сы типологически связан с повсеместно известной мифологической темой «приносящих благополучие» [21]. Однако образ Бао Сы играет в данном тексте роль, находящуюся в противоречии с его легендарной сущностью. В приписываемых Ши-бо высказываниях сказочная Бао Сы выступает как злой рок Ю-вана, губительный для судеб всего чжоуского дома. Нам представляется, что эта трансформация образа Бао Сы была осуществлена книжником, жившим в период Восточного Чжоу, ибо она отражала характерное для того времени рационалистическое переосмысление мифов, а также стремление рассматривать древние полуфантастические сказания сквозь призму современных интересов.

Наиболее примечательной чертой заимствованных из чжоуской, сунской и яньской *чуньцю* текстов, которые сохранились в трактате «Мо цзы», является обилие речей, вложенных в уста исторических лиц. Так же как в известных памятниках древнекитайской исторической прозы, речи служили здесь для того, чтобы дать характеристику исторической личности или же создавшейся политической ситуации, а также для иллюстрации собственных идей автора.

Однако нельзя судить о характере и о происхождении речей, занимавших, по-видимому, столь заметное место в исторических сочинениях типа *чуньцю*, лишь на основании кратких цитат. Большие возможности предоставляет содержание «Го юя», сборника исторических текстов VIII—V вв. до н. э., включающих речи правителей и государственных деятелей того времени. Для него, как полагают, *чуньцю* различных царств послужили источником [9]. Согласно традиции и мнению некоторых современных исследователей, в «Го юе» воспроизведены подлинные речи, действительно некогда произнесенные теми, кому их приписывает историческое повествование памятника [3]. Однако наблюдение над содержанием речей «Го юя» заставляет сделать иной вывод. Обычно эти речи оказываются «сочинениями на случай», вызванными к жизни теми или другими обстоятельствами политической полемики. Те, в уста которых вложены речи, являлись всего лишь псевдонимами их подлинных авторов. В самом содержании речей отчетливо проступают признаки их чисто литературного в широком смысле происхождения. Особенно явственным представляется вымышленный характер весьма многочисленных речей, содержащих предсказания. Обычно последние относятся к хорошо известным событиям. Категоричность и точность, с которой эти события «предсказывались» в речах «Го юя», указывают на то, что «предсказания», несомненно, были сделаны задним числом [6, гл. 7, 92; гл. 8, 106]. К числу полностью вымышленных, без сомнения, относятся речи, произнесенные, согласно обрамляющему тексту, при обстоятельствах, исключающих присутствие третьих лиц, которые могли бы запомнить или записать содержание этих речей [6, гл. 7, 93—94, 94—95, 97—98]. Сомнения в подлинности

речей «Го юя» подкрепляются наблюдениями комментаторов, обнаруживших в них неправдоподобные детали и анахронизмы [17]. Таким образом, когда древнекитайские исторические тексты претендуют на воспроизведение речей правителей, государственных деятелей и военачальников, мы, очевидно, чаще всего имеем дело с «литературным вымыслом». Последний вывод не должен заслонять того факта, что часто целью этих текстов было воспроизведение конкретных исторических событий, а также что эти тексты могли сохранять тесную связь с деятельностью определенных исторических лиц.

В разных источниках встречаются указания на то, что в VIII—III вв. до н. э. существовали и другие сочинения, прямо или косвенно связанные с историческим знанием, которые впоследствии также были утрачены. В ряде случаев сведения о существовавших некогда памятниках столь кратки, что судить об их содержании можно только по названиям. Так, дважды упоминаемая в «Цзо чжуане» «Книга [царства] Чжэн» была, по всей вероятности, чжэнской хроникой [26, 554, 724].

Известно, что в древнем Китае гадание было необходимым элементом государственной жизни. Придворные астрологи и специалисты по скапулимантии, онейромантике и т. д. входили в состав той же чиновничье-жреческой коллегии, что и хронисты. Каждое крупное событие в историческом сознании чжоусцев ассоциировалось с теми знаменьями и предсказаниями, которые ему предшествовали или сопутствовали. Поэтому наряду с регистрацией событий возникла практика регистрации наиболее знаменательных гаданий. Сохранилось упоминание о том, что среди книг периода Чжаньго, найденных в погребении в Цзи, имелся гадательный сборник Ши Чунь¹⁶. По словам раннесредневековых библиографов, он содержал сведения о гаданиях на бирках, связанных с историческими событиями периода Чуньцю [19, 26]. В «Го юе» приведены две небольшие цитаты из «Записей прорицателей» (*Ду ши чжи цзи*, или *ду ши цзи*) царства Цзинь [6, гл. 10, 123, 131]. Контекст цитат свидетельствует, что к пророчествам этих «записей», как и к содержанию сборника сивиллиных предсказаний, обращались за советом при решении государственных вопросов.

Таким образом, анализ свидетельств о первых шагах древнекитайской историографии показывает, что начиная по крайней мере с периода Восточного Чжоу древнекитайская культурная традиция достигла такого этапа, когда письменные виды изображения исторической действительности стали преобладать над устными. Вообще в это время книги и книжники начинают играть весьма заметную роль в жизни древнекитайского общества. Письменная традиция прочно внедряется в область государственно-правовой практики. Можно считать доказанным наличие примерно с VI в. до н. э. (а может быть, и ранее) записанных законов в ряде центральнокитайских царств.

В записях «Цзо чжуаня», относящихся к VI в. до н. э., упоминаются кодексы наказаний царства Чжэн [26, 607] и царства Цзинь [26, 729], тексты которых были вырезаны на ритуальных сосудах, а также уголовный кодекс Дэн Си-цзы, написанный на бамбуковых планках [26, 771]. «Го юй» цитирует текст, канонизировавший ритуал государственных жертвоприношений в царстве Чу [6, гл. 17, 193]. Сохранились неявные упоминания о каких-то военных сочинениях. В «Цзо чжуане» были использованы древние «Записи о ратном деле» (*Цзюнь чжи*) [26, 314, 686]. Хотя почти полностью отсутствуют данные и о содержании и о размерах перечисленных выше сочинений, хотя загадкой остается

¹⁶ Некоторые комментаторы полагают, что иероглифы, входящие в название сборника, представляют собой фамилию и имя его составителя.

вопрос об их историко-литературном значении и постигшей их судьбе, тем не менее приведенные здесь сведения указывают на то, что объем древнекитайской литературы был значительно шире наличного состава дошедших до нас памятников. При этом нужно помнить, что известные по упоминаниям сочинения, по-видимому, составляли лишь малую долю того фонда древнекитайской книжности, который был накоплен на протяжении эпохи Чжоу.

Необходимость всемерного изучения этого фонда связана с тем, что древнекитайские авторы, не знавшие понятия литературной собственности, обильно черпали из него материал для своих сочинений. Поэтому идейное и фактическое содержание доступных современным исследователям письменных источников, восходящих к эпохе Чжоу, не может быть полностью раскрыто без анализа всей отразившейся в них письменной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кр оль Ю. Л., Сыма Цянь — историк падения династии Цинь. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук, Л., 1963, стр. 4.
2. Позднеева Л. Д., К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов, — «Вестник древней истории», 1958, № 3, стр. 8.
3. Позднеева Л. Д., Ораторское искусство и памятники древнего Китая, — «Вестник древней истории», 1959, № 3, стр. 24—25.
4. Ван Мин, Бамбуковые планки и шелк, — «Каогу тунсюнь», 1955, № 2, стр. 55.
5. Го Мо-жо, Датировка и государственная принадлежность погребения в Синьяне, — «Вэнь Цанькао цзыляо», 1958, № 1, стр. 5.
6. Го юй (Повествования о царствах), серия «Госюе цзибэнь цуншу», Шанхай, 1958.
7. Ли Сюе-цин, Обзор эпиграфики периода Чжаньго, — «Вэньбу», 1959, № 9, стр. 59.
8. Люй ши чуныю, серия «Чжу цзы цзи чэн».
9. Лю Цзе, Сравнительное исследование «Го юя», «Цзо чжуаня» и «Ши цзи», — «Гу ши као цунь», Пекин, 1958, стр. 316.
10. Лю Ч жи-цзи, Ши тун (Обозрение исторических сочинений), серия «Сы бу бэй яо».
11. Мо-цзы сянь-гу (Трактат Мо-цзы с комментариями), серия «Чжу цзы цзи чэн».
12. Мэн-цзы чжэнь (Трактат Мэнцзы с комментариями), серия «Чжу цзы цзи чэн».
13. Погребение с деревянным саркофагом периода Чжаньго, раскопанное близ гор. Чанша в Цзоцзя Гуншань, — «Вэньбу цанькао цзыляо», 1954, № 12, стр. 8.
14. Суй шу (История династии Суй), серия «Сы бу бэй яо», гл. 42, стр. 270 а.
15. Сыма Цянь, Ши цзи (Записи историографа), в издании «Чжунхуа шуцзюй», 1959.
16. Сюй Чжун-шу, Об авторе и о времени создания «Цзо чжуаня», — «Лиши цзяосюе», 1962, № 11, стр. 35.
17. Сянь цинь вэньсюе ши цанькао цзыляо (Справочные материалы по истории доцзиньской литературы), в издании «Чжунхуа шуцзюй», 1962, стр. 279, комм. № 22.
18. Чжан Хань, Тексты царства Цзинь, написанные киноварью, которые обнаружены на восточножоуском городище в Хоума, — «Вэньбу», 1966, № 2, стр. 1.
19. Чжу Си-цзю, Цзи чжун шу као (О книгах из погребения в Цзи), Пекин, 1960.
20. Erkes E., The Use of Writing in Ancient China. Journal of the American Oriental Society, 1941, vol. 61, № 3, стр. 127, 128.
21. Erkes E., Die historische Stellung der Pao Se. Ostasiatische Studien, Berlin, 1959, стр. 55.
22. Franke O., Studien zur Geschichte des konfuzianischen Dogmas und der chinesischen Staatsreligion, Hamburg, 1920, стр. 67.
23. Franke O., Geschichte des chinesischen Reiches, Berlin, 1930, Bd. 1, стр. 234.
24. Hulswé A. F. P., Texts in Tombs. Asiatische Studien, t. XVIII/XIX, 1965, стр. 82.
25. Hummel A. W., The Development of the Book in China. Journal of the American Oriental Society, 1941, vol. 61, № 2, стр. 71.
26. Legge J., The Chinese Classics, vol. V. The Chün Tséw with the Tso chuen, Hong Kong, Lond., 1872.
27. Maspero H., Composition et date du Tso Tchouan. Mélanges chinois et bouddhique, vol. 1, 1932, стр. 200, прим. 4.
28. Le Tcheou-Li. Rites des Tcheou, trad. par Biot E., t. I, Paris, 1851, стр. 210.
29. Tsien T. H., Written on Bamboo and Silk, Chicago, 1962, стр. 34.